

ТОМСКОЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В 1920-е гг. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Рассматривается проблема взаимоотношений представителей научно-педагогической интеллигенции и советской власти в первое десятилетие ее существования. На примере Томска анализируется процесс адаптации интеллектуальной прослойки общества к новым политическим и социально-экономическим условиям. На основе судеб ряда персоналий (в первую очередь представителей физической науки) характеризуются различные модели выстраивания отношений и взаимодействия с Советским государством и его практикой в сфере науки и высшего образования.

Ключевые слова: советская наука; высшее образование; интеллигенция; Советское государство; Томск.

Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти, активно муссирующаяся вот уже третье десятилетие, изучена, казалось бы, досконально, и уже не осталось хоть сколько-нибудь незатронутых ее аспектов. Практически во всех исследованиях, посвященных этому вопросу, основной акцент делается, как правило, на период 1930–1950-х гг. как время наивысшего напряжения в жизни страны, проявившегося, в частности, и в политике государства по отношению к интеллектуальной прослойке. В то же время гораздо менее подверженным критической разработке оказался предшествовавший сталинской эпохе отрезок времени. По вполне понятным, впрочем, причинам: вытеснение старой профессуры, репрессии против крупных ученых, рождение в горнилах идеологических кампаний целого ряда новых советских квазинаучных направлений. Тем не менее период радикальных реформ в сферах высшего образования и науки, пришедшийся на 1920-е гг., (пора стремительного развития отечественного знания) заслуживает такого же внимания, ведь именно здесь кроются глубинные причины тех процессов, что приобретут открытый характер десятилетие спустя. Поворотный октябрь 1917 г. не столько изменил положение отечественной науки в системе социальных координат, сколько поставил под вопрос сами ее основания. Учитывая это, вопрос следует ставить не в плоскости отношения власти к научному сообществу, а в многофакторном и многовекторном поле сложнейшей по своим причинам и следствиям социальной мутации.

Социально-политические процессы переломного времени в центре и на периферии всегда различаются как по своей динамике, так и по качественному содержанию. И в случае обозначенной выше проблематики предпочтительней будет рассмотреть положение провинциальных ученых в годы революции и Гражданской войны. Пролонгация во времени политических изменений и частая смена режимов позволяют лучше проследить, с одной стороны, диалектику отношений большевиков и интеллигенции, с другой – эволюцию взглядов самого научного сообщества, наличие либо отсутствие у него ментальных сдвигов как реакции на происходящие трансформации. Как сибирская научная общность воспринимала перемены политического климата? Подавляющее большинство профессоров и преподавателей Томского университета не приняли советскую власть. Об этом свидетельствуют многие примеры открытых враждебных выступлений профессоров Томского университета против нового строя. Публичные антисоветские и антикоммунистические выступления зафиксированы на протяжении 1920-х гг.

Для них использовались как университетские кафедры, так и различные собрания сотрудников Томского университета.

Так, перебравшийся из Петербурга в Томск профессор Б.П. Вейнберг прочитал студентам популярную лекцию на тему «Как люди живут за границей и почему мы живем не так» [1. С. 132–133]. Профессор И.А. Соколов констатировал на лекциях, что «молекулярное движение такое же беспорядочное и хаотичное, как русская революция». Профессор С.В. Лобанов, анализируя на лекциях причины того, почему врачи не едут работать в деревню, приходил к заключению: «...специалисты не едут в деревню вследствие классового нажима со стороны рабочего класса». Профессор В.Д. Кузнецов, критикуя социалистическое строительство, приводил на лекциях следующую аналогию: «Подобно тому, как разнообразные по характеру кристаллы не могут составить единого целого, точно так же и наши коммуны не могут существовать» [2. С. 52–53]. Следует отметить, что последний в данном случае отверг обвинения в «антисоветском» характере своего пассажа [3. Л. 4].

С другой же стороны, если известно, что большинство профессоров отнеслось к большевикам достаточно настороженно, то трудно доподлинно судить о том, как были восприняты октябрьские события в среде младших преподавателей. Можно лишь предположить, что разброс политических пристрастий среди них был куда более широк, нежели у их старших коллег (в силу, прежде всего, более прочного социального статуса последних). Тот же В.Д. Кузнецов, если исходить из искренности его воспоминаний, в те годы (1917–1920) был достаточно аполитичен, чтобы хоть сколько-нибудь активно обозначить свою позицию. Интеллигент в первом поколении, сформировавшийся как личность в реалиях «старой» России, выпускник Петербургского университета, оказавшийся в Сибири, является ярким примером того, как классический разночинец с весьма скромными перспективами, пройдя через чистилище смуты, стал одним из лидеров советской науки. Революционный год он встретил в качестве молодого ученого – магистра физики, ассистента на кафедре физики Томского технологического института (здесь он одно время возглавлял союз младших преподавателей – нечто вроде профсоюзной организации, призванной отстаивать и решать их интересы и насущные вопросы). После открытия в Томском университете физико-математического факультета он одновременно становится его приват-доцентом. Помимо этого, будущий академик уже в те годы проявлял немалую социальную активность, будучи преподавателем на

Сибирских высших женских курсах и одним из организаторов мастерских учебных пособий (уникального для того времени явления). Единственное, о чем он упоминает, так это неудобства в работе возглавляемых им мастерских учебных пособий во время колчаковщины, да «безумства» белогвардейцев при отступлении. Одним словом, до окончательного установления в Томске советской власти особых сдвигов он не почувствовал – было тяжело так же, как и в годы войны, а противоборствующим сторонам было не до науки.

Более чувствительные изменения начались с приходом большевиков (восстановление советской власти в Сибири). Сейчас уже, конечно, невозможно точно знать, как соотносились ожидания и опасения местных ученых с реальностью жизни при советской власти. Тем не менее думается, что, научное сообщество чувствовало себя неуютно в атмосфере хаоса, воцарившегося тогда в Томске. Однако настоящие несчастья посыпались с лета 1920 г. Сотрудники местных органов ЧК (среди которых было много бывших колчаковских офицеров) боролись с «контрреволюцией», не обременяясь процедурами следствия и суда; революционный террор вылился в откровенную анархию на местах. Немало местных ученых и преподавателей попало под волну беспорядочных арестов, и перед ними не маячила перспектива «прогуляться на Каштак», что означало быть расстрелянным [4. С. 120]. Политики как таковой было мало. Парадоксально, но террор являлся способом выживания и в чем-то даже перверсивной формой и нормой общественных отношений. Вчерашние чекисты, совмещавшие функции следователей, судей, а иногда и палачей, завтра могли быть расстреляны так же, как сегодня расстреливали они.

Не легче стало томскому научно-педагогическому сообществу и после окончания Гражданской войны – советские руководители Сибири платили за недоверие и саботаж «реакционной» профессуры той же монетой: в отношении интеллигенции, «запятнавшей» себя не только открытым сотрудничеством с антибольшевистскими правительствами, но и своими антисоветскими публикациями в сибирских газетах, были предприняты жесткие меры. Достаточно привести несколько примеров. В апреле 1920 г. совместным постановлением Отдела народного образования Сибревкома и Коллегии по управлению вузами г. Томска были уволены большинство профессоров юридического факультета: В.М. Грибовский, И.И. Аносов, В.Ф. Залесский, Б.П. Иванов, Н.Я. Новомбергский, П.А. Прокошев, И.В. Михайловский, И.Я. Галахов [5. Л. 26].

После этого их судьбы сложились по-разному. Вскоре после увольнения из Томска уехали профессора В.М. Грибовский и В.Ф. Залесский. Не успевшие покинуть город были привлечены к ответственности за те или иные «деяния», совершенные ими в годы революции и Гражданской войны. Еще в марте 1920 г. профессор И.В. Михайловский был привлечен к суду и приговорен к 5 годам лишения свободы. По ходатайству ректора Томского университета профессора А.П. Поспелова в марте этого же года он был освобожден, а в следующем году умер. В мае 1920 г. профессор Н.Я. Новомбергский был привлечен к суду над колчаковскими министрами и приговорен к «лишению свободы с при-

менением принудительных работ во время Гражданской войны». После освобождения в феврале 1921 г. он уехал в г. Новониколаевск, в дальнейшем работал в сибирских органах управления народным хозяйством. Судьба профессора П.А. Прокошева, арестованного весной 1920 г. органами ЧК, так и осталась неизвестной [6. С. 179–184; 199–201]. Весной 1921 г. профессор И.И. Аносов и Б.П. Иванов были привлечены к суду ревтрибунала по «Делу сибирской реакционной прессы» (профессор И.И. Аносов только в газете «Сибирская жизнь» (Томск) в 1917–1919 гг. опубликовал 131 статью, 37 передовиц, 27 корреспонденций и 52 заметки). Оба были приговорены к расстрелу, замененному по амнистии ВЦИК 4 годами принудительных работ. После освобождения И.И. Аносов уехал в Ташкент, где работал в должности профессора Средне-Азиатского университета. Что касается Б.П. Иванова, то в 1933 г. он вновь был арестован, обвинен в причастности к «контрреволюционной белогвардейской организации, подготавливающей восстание с целью свержения Советской власти и установления буржуазно-помещичьей республики» и приговорен к расстрелу [6. С. 29; 7. С. 159]. Профессор И.Я. Галахов в 1922 г. привлекался к суду по так называемому «Делу о томских церковниках» и был приговорен к расстрелу, вскоре, однако, этот приговор был заменен на 5 лет принудительных работ с конфискацией имущества. По постановлению Президиума ВЦИК этот срок был сокращен в 1924 г. до двух с половиной лет [6. С. 73–74]; Галахов был лишен избирательных прав, а в 1927 г. арестован «за контрреволюционную деятельность», приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Туруханск, откуда в 1930 г. был освобожден с ограничением прав. В дальнейшем вновь подвергся репрессиям. В январе 1920 г. был арестован директор Института исследования Сибири, известнейший ученый, профессор В.В. Сапожников, вскоре освобожденный по ходатайству университетского сообщества [8. С. 84, 88].

Вполне естественно, что подобное обращение с еще совсем недавно считавшей себя «солью земли» интеллектуальной прослойкой не могло вызвать иной реакции, кроме все нарастающего отторжения. Более того, в начале 1920-х гг. антисоветские настроения поддерживались профессорами столичных высших учебных заведений, в среде которых еще долгое время после окончания Гражданской войны сохранялась уверенность в том, что большевики не смогут долго удерживать власть. Так, *«профессор С.И. Гессен, проведший лето 1921 г. в Москве и Петрограде, – вспоминал позднее В.Д. Вегман, – вернулся в начале осени в Томск, где, на основании достоверных сведений, полученных из первоисточников, уверял своих коллег, что советская власть продержится не более, чем полгода»* [9. С. 44]. Аналогичные известия привез из Москвы в 1922 г. профессор Б.Л. Богаевский [10. С. 151].

Было бы наивным считать, что установившаяся между Советами и научно-педагогическими кадрами атмосфера претерпела сколько-нибудь существенные изменения к середине 1920-х гг. В партийной сводке о политических настроениях профессоров и преподавателей Томского университета отмечалось, что лидером антисоветски настроенных ученых был ректор Томско-

го университета профессор В.Н. Саввин – человек умный, большой тонкий дипломат, иногда бывающий откровенным, но ведущий работу и фракционно. Обладая большим политическим опытом (он был председателем Томского губернского комитета партии кадетов в 1917 г., заместителем министра просвещения в правительстве А.В. Колчака) и пользуясь ректорским постом, он поддерживал «контрреволюционную» профессию и оказывал давление на левую профессию, был «центральной фигурой, препятствующей делу внедрения советских форм работы в Томском университете и его учреждениях... – будучи хорошим работником и опытным администратором, он был, в силу изложенного выше, терпим временно, и с каждым годом все более чувствуется необходимость его смены» [11. Л. 14–24].

Мы посчитали целесообразным остановиться на характеризующих в сводке политических настроениях профессуры физико-математического факультета. Физическое сообщество, став в дальнейшем своеобразной элитой советской науки, претерпело достаточно длительную и сложную эволюцию в своих взаимоотношениях с властями. Несмотря на относительную «сословную» привилегированность, советские физики практически постоянно находились под определенным морально-психологическим прессом, в полной мере испытав на себе все стороны пресловутой политики «кнута и пряника». При этом многие из будущих корифеев новой советской физической науки переживали этап своего становления именно в период Гражданской войны и первых последующих лет. Приведем выдержки из сводки: «Проф. В.Д. Кузнецов является правой рукой Саввина по физмату. Он не признавал себя профессором, получив это звание по декрету СНК... и только тогда стал себя считать им, когда в 1922 г. получил звание профессора после защиты своей диссертации в Томске. Это, однако, не мешает ему «гордо» причислять себя к старой профессуре...». «Проф. П.Н. Крылов... до сего времени сидел в своей квартире, как хорек, и не подавал голоса, сейчас призван к работе и развел активнейшую работу на физмате, объединив вокруг себя несоветски настроенных научных работников». «Профессор СТИ И.Ф. Пономарев, по совместительству читавший лекции в Томском университете, пользуясь своим авторитетом... совместно с правой университетской профессурой... являются крупнейшими и сильнейшими проводниками старых традиций... и противниками в деле пролетаризации ВУЗа» [11. Л. 14–24].

И в то же время все было не столь однозначным. советская власть пыталась побудить к лояльности профессорско-преподавательский корпус высшей школы на протяжении 1920-х гг. В первую очередь речь шла о конструктивном диалоге с дореволюционной интеллигенцией. То, что необходимо налаживать сотрудничество с последней, независимо от ее идейных убеждений, властям стало ясно уже в самом начале 1920-х гг. Так, на неоднократные жалобы на реакционность профессуры и просьбы прислать «советских» специалистов руководители Отдела народного образования Сибревкома неизменно отвечали Томскому губкому партии, что «*профессора и преподаватели, враждебные Советской власти, не могут быть устранены ввиду*

отсутствия профессоров-коммунистов» [1. С. 132–133]. Не менее важным было и то отношение к научным работникам, которое постепенно стало проявлять советское руководство и которое не могли не почувствовать такие люди, как В.Д. Кузнецов. Как он сам отмечал, несмотря на всю неразбериху и неопределенность положения, атмосфера была пропитана не столько страхом, сколько большими надеждами на будущее, на те возможности, что должны были из перспективы вот-вот перейти во вполне осязаемую реальность. И что самое, пожалуй, здесь важное – это не совсем осознанное ощущение своей востребованности в новых условиях, которое сыграло в дальнейшем определяющую роль в выстраивании отношений с властью. Политика «пряника» нашла свое воплощение и в постепенном осознании советскими руководителями того, что необходимо поддерживать хотя бы минимально приемлемый материальный уровень представителей отечественной науки. Материально-бытовое положение большинства ученых в те годы оставляло желать лучшего. О том, насколько мизерной была зарплата преподавателей университета в начале 1920-х гг., можно судить по воспоминаниям В.Д. Кузнецова. Он, например, пишет, что по высшей 17-й категории получал около 2 400 рублей в месяц, а четверть молока на рынке в Томске стоила 3 000 рублей. «Мы с женой, – пишет В.Д. Кузнецов, – буквально голодали» [4. С. 142].

Одной из первых попыток властей наладить отношения с учеными стала деятельность Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (ЦеКУБУ). В ее задачи входило всестороннее обследование и улучшение условий жизни ученых. На местах же создавались местные комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ), объединявшие научных работников университетских городов. В отличие от Москвы и Петрограда, деятельность местного отделения ЦеКУБУ развернулась в Томске лишь с марта 1922 г. Профессора и преподаватели Томского университета получали от нее по квалификационной сетке денежное и пайковое обеспечение. В.Д. Кузнецов же и был одним из первых томских ученых, что самостоятельно сделали определенные шаги навстречу новой власти. Будучи любителем печатной полемики, он обратился с открытым письмом в адрес газеты «Красное знамя». В нем профессор обратил внимание на то, что эта газета в многочисленных заметках и статьях обвиняет всех профессоров в реакционности. Такая направленность материалов газеты, по его убеждению, не могла содействовать сотрудничеству ученых с общественными организациями. При этом он заметил, что далеко не вся профессура настроена «реакционно», как это следовало из материалов «Красного знамени». Многие ученые Томска активно заняты научно-исследовательской деятельностью, которая принесет пользу Советской республике. В связи с этим В.Д. Кузнецов предложил редакции газеты своими публикациями содействовать активизации сотрудничества научных работников с советской властью и коммунистической партией. Эта идея была поддержана ректором Томского университета профессором В.Н. Саввиным и редакцией газеты. В «Красном знамени» нередко стали появляться статьи и заметки о Томском университете, в которых положи-

тельно оценивались научная работа ученых, экспедиции по изучению природных богатств Сибири, публиковались и материалы, рассказывающие о жизненном пути отдельных профессоров.

В этом ракурсе можно сказать, что кадры из когорты В.Д. Кузнецова являлись своеобразной «средней» прослойкой между откровенно антисоветски настроенной дореволюционной профессурой и относительно лояльными к большевикам младшими преподавателями. Достаточно вспомнить, как в начале Гражданской войны он председательствовал в Союзе младших преподавателей Томского технологического института, где его коммуникативные таланты обеспечивали возглавляемую им организацию свободой маневра и лавирования между аналогичными Советом профессоров и Советом студенческих старост. Это прекрасно, на наш взгляд, иллюстрирует следующий пример. В 1922 г. В.Д. Кузнецов назначается заместителем ректора и временно ректором университета. Здесь ему пришлось столкнуться уже с другой проблемой – сопротивлением старой университетской профессуры, болезненно воспринявшей начавшиеся перемены. Группа профессоров посредством психологического давления на своего младшего коллегу, оказавшегося их руководителем, пыталась контролировать его деятельность, мотивируя это необходимостью сохранить университет, которому в новых условиях угрожает гибель. Трудно сказать, насколько искренни они были и о чем больше переживали: о судьбе Alma Mater или о сохранении собственного благополучия. Новый ректор начинает лавировать между сторонами, хотя на деле никакого открытого противостояния ученых и советской власти не было, имели место лишь взаимное недоверие и подозрения (при известном признании большевиками необходимости нормализации отношений с носителями научного знания). В определенный момент усилиями Кузнецова удалось достичь некоторого компромисса. Проблемы на этом, естественно, не закончились, и ему еще не раз приходилось вступать если не в конфликты, то в трения с местными властями по самым разным вопросам [12].

Как результат, в середине 1920-х гг. в одном из отчетов, характеризующих настроения сотрудников высших учебных заведений Томска, Томский губком ВКП(б) отмечал, что профессора, недавно еще *«резко отмежевываясь от Советской власти, тем паче от партии, в резко переломном 1923 г.* [после визита в Томск наркома просвещения А.В. Луначарского] *заметно активизировали свои деловые контакты с государственными и партийными органами*» [1. С. 135]. С середины 1920-х гг. в основной массе профессорско-преподавательского состава Томского университета постепенно намечается поворот от конфронтации к установлению сотрудничества с советской властью. Таким образом, в 1920-е гг. подавляющее большинство профессоров Томского университета были настроены критически к советской власти и нередко выражали свое отношение публично. Что касается младших преподавателей и научных сотрудников, то симпатии к новой власти среди них нарастали постепенно – ближе к концу десятилетия.

В отличие от первого периода существования советской власти в Томске (декабрь 1917 г. – начало мая

1918 г.), как вспоминал позднее один из первых руководителей Советской Сибири В.Д. Вегман, *«не все профессора занимались активным противодействием Советской власти и не было среди них таких, кто с первых же дней Октября ориентировались на советскую власть»* [9. С. 41]. После восстановления советской власти в Томске в октябре 1920 г. со страниц газеты «Красное знамя» прозвучал призыв профессоров Томского университета И.Т. Филиппова и Томского технологического института В.П. Зылева и С.Т. Русакова поддержать советскую власть [13]. Советской власти симпатизировали также профессор В.В. Ревердатто и доцент Б.В. Тронов. В то же время часть сотрудников Томского университета была довольно аполитичной. Так, профессор Н.Н. Горячев в ответ на предложение П.Н. Крылова «отойти подальше и не дружить с советски настроенными научными работниками» (имелись в виду В.В. Ревердатто и М.В. Тронов) заявил: *«Откровенно говоря, я не красный профессор, но я ненавижу старую грязь, которая старается повонять на каждом шагу...»* [11. Л. 24].

На наш взгляд, это красноречиво свидетельствует и о том, что научно-педагогический состав университета в то время в целом окончательно не определился, как вести себя по отношению к советской власти. Существовавшие симпатии и антипатии привели к сильному напряжению в среде научно-педагогической интеллигенции. Основная причина – неоднородность предреволюционной интеллигенции как социального страта. И это напрямую свидетельствует о том, что процессы модернизации в период второй половины XIX – начала XX в. были запущены в верном направлении: в орбиту высшего образования и науки вовлекалось все больше представителей самых разных сословных и классовых групп, что и обусловило гетерогенность предреволюционной российской интеллигенции (шире – прослойки так называемых «русских европейцев»). Другое дело, что на сломе эпох большая часть интеллигенции в силу уже указанных причин оказалась по другую сторону баррикад. Были и фигуры вроде В.Д. Кузнецова, попавшие в число востребованных в новых условиях, социальная функциональность которых была обусловлена известными адаптивными способностями, соединенными с талантами администрирования.

Закончить же о сложностях выстраивания отношений дореволюционных научных кадров с новой властью мы решили одним весьма любопытным сюжетом о профессорском клубе «Кенгуру», существовавшем в середине 1920-х гг. в Томске. Среди его членов, помимо уже хорошо знакомого нам В.Д. Кузнецова (он был его председателем), были профессора-медики Н.А. Попов, Л.И. Омороков, технолог Степанов и другие персоны. Название было аббревиатурой и расшифровывалось как «кружок эмоционально недовольных граждан, устраивающих различные (разумные) увеселения» либо как «кружок единодушно настроенных граждан, устраивающих различные увеселения» [14. С. 65–66]. Второй вариант видится, впрочем, несколько более лояльным. Внешне «Кенгуру» был достаточно безобидной организацией (хотя слово это не совсем удачно для его характеристики). Деятельность клуба состояла в регулярном проведении вечеров, на которых в стихотворной форме,

в песенках на темы различных оперетт обыгрывались отдельные события, мероприятия в вузах и т.п. Говоря языком того времени, «передергивались».

Наиболее откровенным было составление анкет с определенным образом измененными вопросами, к примеру: «Когда стало у вас происхождение крестьянским – до 17 г. или нет?» Сам же В.Д. Кузнецов, выступая в роли конференсье, довольно часто имел манеру «передергивать» некоторых своих коллег, затрагивая нередко их политическую ориентацию. В целом клуб «Кенгуру» был характерным для того периода неформальным объединением ученых, пытавшихся разнообразить свой досуг в новых социально-политических условиях, весьма скудных на развлечения, отвечавшие их запросам. Тем не менее в «Красном знамени» появилась статья с характерным названием «Смердящие», посвященная «Кенгуру» и его участникам, которые обвинялись в контрреволюционных настроениях, эмигрантских устремлениях и т.д., а клуб рассматривался как откровенно антисоветская организация. Иными словами, так называемую «политическую сторону» выявили и обозначили сразу [14. С. 84–85]. Статья имела известный общественный резонанс, став выражением давно уже муссировавшейся темы о классовой чуждости профессуры [15].

В.Д. Кузнецов не изменил себе и выступил на страницах этой же газеты с открытым письмом, где достаточно резко обозначил свою позицию как ученого и гражданина: ему пришлось напомнить, что провинциальный город Томск должен быть благодарен людям, которые превратили его в научную столицу Сибири, не прельстившись на гораздо лучшие условия для работы

и жизни в Москве или в Ленинграде. Наиболее резкие строки: «Я считаю, что статья “Смердящие” дискредитирует, прежде всего, город Томск: несмотря на то, что он является культурным центром Сибири, все же – глухая провинция, так как то, что отнюдь не осуждается в центре, считается недопустимым в Томске» [14. С. 71–74]. В дискуссии по поводу своего письма В.Д. Кузнецов вступать был не намерен, несмотря на всю свою любовь к газетной полемике, в которой он просто не оставлял своим оппонентам шансов на победу.

Стоит указать на то, что подобные статьи и подобные же ответы не были редкостью на протяжении всех двадцатых годов, являясь зеркальным отражением специфики текущего политического дискурса. Период адаптации дореволюционных ученых к новым советским реалиям изобилует примерами подобного рода. Тем не менее это ни в коей мере не свидетельствовало ни о степени политической лояльности научно-педагогических кадров, ни об их отношении к социализму и социалистическому строительству в стране. Само содержание деятельности большинства из них в период двадцатых годов отражает основной вектор их устремлений и приоритетов в интересах. Чувствуя себя не в полной мере уютно в той атмосфере, что сложилась в университетской среде вследствие масштабных реформ высшего образования, ученые пытались создать некое личное профессиональное и научное пространство. С одной стороны, оно должно было обеспечивать им максимально возможную стабильность поля научного поиска, с другой же – гарантировать неприкосновенность их *modus vivendi*, коим они, как правило, очень дорожили.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Томский университет. 1880–1980.* Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 431 с.
2. *Загорский Н.* Классовая борьба в сибирских вузах. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. 102 с.
3. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 578.
4. *Машинописная рукопись воспоминаний В.Д. Кузнецова «Мой путь в науке»* // Архив Музея истории ТГУ.
5. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 224.
6. *Профессора Томского университета : биографический словарь* / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1. 288 с.
7. *Профессора Томского университета : биографический словарь* / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2 : 1917–1945. 544 с.
8. *Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.)* / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
9. *Вегман В.* Сибирский педагог в революции и гражданской войне // Просвещение Сибири. 1927. № 10.
10. *Власть и интеллигенция в сибирской провинции. Конец 1919 – 1925 гг.* / сост. С.А. Красильников, Г.Н. Осташко, Л.И. Пыстина. Новосибирск : ЭКОР, 1996. 366 с.
11. ЦДНИ ТО. Ф-76. Оп. 1. Д.330.
12. *Красное знамя.* 1922. 13 окт.
13. *Красное знамя.* 1920. 13 окт.
14. *Из истории земли Томской. 1925–1929.* Народ и власть: сб. док. и материалов. Томск : Водолей, 2000. 383 с.
15. *Красное знамя.* 1927. 12 января.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 октября 2011 г.